

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)5

«28 ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ СТАТЕЙ» ЦИ ШАНЯ И СОСТОЯНИЕ ТИБЕТО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ К СЕРЕДИНЕ 40-х ГОДОВ XIX ВЕКА *Часть 1*

Е.Л. Беспрозванных

В статье анализируется состояние отношений между Китаем и Тибетом, которому была отведена роль «буферной территории» в рамках империи Цин. Неханьские народы на севере, северо-западе и западе империи («внутренние варвары») управлялись собственной администрацией, но при наличии там цинских наместников и гарнизонов. На протяжении полувека (1793–1844 гг.) Тибет не причинял особых хлопот Пекину. Однако спокойствие в Стране снегов было обманчивым: влияние династии Цин падало, а самостоятельность местной администрации росла. Это привело к смещению слишком сильного регента и формальному ограничению самостоятельности местных лидеров («28 дополнительных статей» Ци Шаня). Пекин мог еще опираться на группировку провинциальных деятелей, но общее ослабление империи благоприятствовало развитию освободительных тенденций в Тибете.

Ключевые слова: *династия Цин, амбаны, «буферные территории», иерархи, Далай-лама, Панчен-лама, «опиумные» войны, неравноправные договоры.*

На рубеже XVIII–XIX вв. Цинская империя находилась на вершине своего военного могущества. Китайское феодальное государство было серьезной угрозой для всех его азиатских соседей (в определенной степени и для России), что и обуславливало характер международных отношений.

Внешняя политика Цинской империи базировалась на нескольких постулатах, среди которых следует выделить глубокую убеж-

денность в том, что китайское государство является самым цивилизованным и самым сильным, тогда как другие страны и народы являются варварскими. «Непокорных варваров» следовало приводить к повиновению или даже уничтожать.

Военная стратегия основывалась на убеждении, что серьезная опасность для империи может исходить лишь с севера или запада; восток и юг (морское побережье Китая) относительно безопасны. Появление европейских кораблей во второй половине XVII – XVIII в. близ китайского побережья особых опасений у Цинов не вызвало, так как отдельные пиратские действия европейцев без труда пресекались. Такое пони-

мание потенциальной внешней угрозы привело к ликвидации сильных государств на рубежах Собственно Китая (Монголии, Джунгарии, Восточного Туркестана, Тибета) и к превращению территории этих ранее независимых государств в «буферную зону». Эти «буферные территории» (по сути, национальные окраины) должны были стать первой линией обороны, прикрывающей китайские провинции от внешней угрозы. Аристократы «буферных территорий» считались «внутренними вассалами» цинского императора; если они не могли противостоять более сильному врагу, им на помощь приходила имперская армия. Несколько иностранных государств, граничивших с «буферными территориями», не выдержали военного давления Цинов и стали «внешними вассалами» цинского императора (признали определенную зависимость от Китая).

Итак, структура Цинской империи состояла из нескольких концентрически расположенных кругов: Собственно Китай, вокруг него – буферный пояс («внутренние вассалы»), далее – «внешние вассалы», еще далее – «варварские» народы, не связанные с Империей. В случае с Тибетом данная схема выглядела так: Китай (провинции Сычуань и Юньнань) – Тибет – Ладак, Непал, Бутан, Сикким.

Тибет, как «буферная территория», хотя и имел собственную администрацию, но в верховном смысле подчинялся маньчжурскому императору. Контроль осуществлялся через имперских представителей (амбаней), которые находились в тибетской столице и располагали военным гарнизоном.

С момента покорения Тибета Цинами (1720 г.) и на протяжении всего XVIII в. тибетское население управлялось собственной администрацией и по собственным законам; ни социальная структура, ни методы хозяйствования не изменились. Здесь, в отличие от других «буферных территорий», цинские захватчики не поставили китайского наместника, не ввели новых налогов, не изменили местные аристократические титулы на маньчжурские, поскольку Тибет имел свою специфику – он был теократическим государством, а Лхаса – центром северного буддизма. В этой связи Пекин перепробовал разнообразные формы управления Тибетом: от создания поста наместника из местных аристократов до восстановления полной теократии. В конечном

счете, сочтя систему управления Тибетом неэффективной, цинский император Хун Ли (1736–1795 гг., девиз правления Цяньлун) утвердил в 1793 г. новые правила, при которых местная администрация (начиная с Далай-ламы) попадала в зависимость от амбаней, чей статус существенно изменился.

Содержание новых правил по управлению Тибетом подробно рассмотрено в наших работах [1; 2], в связи с чем мы ограничимся лишь кратким перечислением цинских нововведений.

1. Установление цинского контроля над избранием высших перерожденцев.

2. Введение в Стране снегов института имперских наместников, то есть повышение статуса амбаней от наблюдателей до фактических правителей (при формальном сохранении прежней административной структуры).

3. Передача амбаням многих прав и полномочий, ранее принадлежавших Далай-ламе, Панчен-ламе и Кашагу.

4. Снижение статуса Далай-ламы.

5. Создание тибетской армии, обученной и вооруженной китайцами.

6. Попытка изолировать страну от внешнего мира.

«Указ из 29 статей», изданный императором Хун Ли в 1793 г., был детализирован и дополнен, после чего вошел в «Уложение китайской Палаты внешних сношений» (1818 г.) – свод законов, касавшихся управления зависимыми территориями.

Многие авторы полагают, что именно с этого момента Китай полностью установил свою власть в Тибете [3, с. 209]. С этим мнением вряд ли можно согласиться, учитывая дальнейшее развитие событий в Тибете, однако нужно признать, что в конце XVIII – начале XIX в. власть Китая в Тибете казалась довольно прочной. В Тибете не было ни антикитайских восстаний, ни аристократических заговоров против цинской власти, ни таких столкновений с иностранными державами, когда требовалась бы присылка имперских войск. Итальянский тибетолог Л. Петех именуется ситуацию в стране «дремотным миром», а весь XIX в. определяет термином «стагнация» [13, р. 4].

Тем не менее в 1844 г. один из цинских резидентов в Тибете, Ци Шань, предложил китайскому правительству 28 дополнений к уже существовавшим установлениям по уп-

равлению Тибетом. Эти дополнения были одобрены императором Мянью Нином (1821–1850 гг., девиз правления Даогуан). Возникает вопрос: если в Тибете все было тихо и гладко, для чего потребовались нововведения? Чем они вызывались и в чем была их суть?

Для ответа на эти вопросы следует рассмотреть политическую ситуацию в Тибете и положение Цинской империи в целом, а также дать оценку тибето-китайским отношениям в первой половине XIX века. При написании этой статьи были использованы следующие источники:

1) «28 дополнительных правил к указу 1793 г.» (приложение к книге китайского историка Я Ханьчжана) [18].

2) Записки английского путешественника Т. Мэннинга [12, р. 213–294].

3) Записки французских миссионеров Э. Гюка и Ж. Габе [10].

Прежде всего отметим, что проведение в жизнь положений указа 1793 г. потребовало значительного времени: население Тибета должно было привыкнуть к цинским нововведениям и принять их. Многие зависело и от межнациональных отношений, в частности, от поведения китайцев в Стране снегов.

Т. Мэннинг, побывавший в Тибете в 1811–1812 гг., сообщает о серьезном конфликте, возникшем в Лхасе за несколько лет до его приезда.

Ссылаясь на свои беседы с тибетцами и китайцами, он излагает две версии конфликта (китайскую и тибетскую); но и в одной, и в другой версии фигурируют такие факты, как безосновательное убийство тибетца китайцем, ответная реакция тибетского населения (разгром китайских лавок, убийство китайца), взятки, данные китайским амбаням с целью замять конфликт, ссоры между амбанями по этому поводу и т. п. [12, р. 272].

Вывод, сделанный Мэннингом, таков: «Из всего, что я услышал, я мог прийти к четкому заключению: великие мандарины в Лхасе были в основном плутами и негодьями» [ibid, р. 273]. Причина этого явления, по мнению Мэннинга, состояла в том, что Тибет служил местом своеобразной ссылки для китайских чиновников, и туда приезжали «плохие люди». В то же время путешественник не раз отмечает, что все китайцы, находившиеся в Тибете, от простого солдата до амбаней, обращались

с тибетцами надменно, как с людьми низшего сорта, не оказывали соответствующего уважения даже Далай-ламе, проявляли алчность и т. п.

Тибетский историк В.Д. Шакабпа сообщает, что после опубликования указа 1793 г. в стране происходили мирные выступления против присутствия в Тибете амбаней и китайских войск; затем стали происходить нападения на цинских чиновников, путешествовавших по дорогам Тибета. Император Юнь Янь (1796–1820 гг., девиз правления Цзяцин) отозвал нескольких чиновников из Тибета и уменьшил китайский гарнизон до 250 человек [9, с. 183]. Тот же автор отмечает случай, когда население Лхасы выступило против коррумпированных тибетских сановников, слишком тесно связанных с амбанями; тогдашний регент Кунделинг вынужден был послать войска для защиты имущества и жизни цинских резидентов [там же]. Поскольку цинские представители начали писать доносы в Пекин, император провел в 1805 г. расследование и удалил из Тибета двух амбаней, соответствующим образом наказав их. Вывод, который делает В.Д. Шакабпа в связи с изложенными событиями: «Маньчжуры утрачивали свое влияние на политику Тибета из-за слабой подготовки чиновников и неумелости амбаней, назначаемых в Лхасу» [там же].

Английский историк Х. Ричардсон также склонен к негативной оценке деятельности китайских чиновников в Тибете. Он пишет: «В 1804 г. одного амбаня пришлось удалить за дурное поведение. В 1818 г. другой был признан виновным в попытке уклониться от выполнения императорских приказов. В 1832 г. другой неподходящий амбань был уволен» [16, р. 70–71].

Вполне понятно, что и тибетское население изменило свое отношение к китайцам: если раньше тибетцы воспринимали Цинов как «милостынедателей», защитников, то в правление императора Мянью Нина «народ отказывался признавать императора Китая своим покровителем, заявляя, что лучше, в случае необходимости, обратиться за помощью к гуркам» [9, с. 183].

Хотя до обращения за помощью к недавним врагам дело не дошло, но престиж цинской власти в Тибете неуклонно падал.

Историк Ли Дэцзэн отмечает, что деятельность «бездарного, если не алчного» ам-

бана Мэн Бао вызвала демонстрации протеста со стороны монашества одного из великих монастырей Лхасы [11, р. 60]. Тем не менее, полагает он, «имперская власть в Тибете, несмотря на действия, ослабляющие престиж резидента и вызванные дурным поведением ранее занимавших этот пост Цзэ Бакэ (1804–1805) и Вэнь Ганя (1820–1823), все же сохранилась до 1840 г.» [ibid].

Итак, можно считать установленным, что цинские резиденты в Тибете в первой половине XIX в. плохо исполняли свои обязанности и вызывали неприязнь со стороны местного населения. Но ослабление цинской власти в Тибете определялось не только факторами морального порядка (шовинизм китайцев, их коррумпированность и т. п.), но и более существенными причинами.

Прежде всего следует отметить уменьшение численности китайских войск в Тибете и их профессиональную деградацию.

Китайские войска в Тибете представляли собой небольшие гарнизоны, размещенные в столице и г. Чамдо, а также мелкие подразделения, охранявшие почтовые станции.

Уже Т. Мэннинг отмечал, что китайские солдаты в Тибете, бывшие в основном уроженцами провинции Сычуань, женились на тибетских женщинах, но, закончив службу, бросали их и уезжали на родину [12, р. 235–236]. Их дети, оставшиеся в Тибете, не могли влиться в местное общество, так как были полукровками.

Ситуация с детьми уехавших китайских солдат описана Ли Дэцзэном:

«В то время как тибетские войска усиливались, имперские гарнизонные силы ослабевали как в плане качества, так и дисциплины. Солдаты присылались преимущественно из Сычуани для отбытия трехлетней гарнизонной службы. Пока они находились в Тибете, многие сожительствовали с тибетскими женщинами, а затем оставляли после себя детей, которые должны были жить среди военных. Касса гарнизонных войск не выдавала довольствия этим незаконнорожденным сыновьям. Единственным путем, открытым для гарнизонного командования, было внесение имен мальчиков в армейские списки и проставление их имен в платежной ведомости, даже если они были непригодны для военной службы. В 1844 г. импе-

ратор был изумлен, узнав из доклада Ци Шаня, что почти 30 % гарнизонных сил составляли эти сыновья без отцов, чьи матери говорили по-тибетски» [11, р. 60].

Тибетская армия, обучавшаяся и вооружавшаяся китайцами, была относительно небольшой – около 3 000 человек; однако в приграничных районах существовали военизированные отряды из монахов местных монастырей, а в случае войны созывалось ополчение из гражданских тибетцев [7, т. 2, с. 256–260]. Задачей тибетских воинов была оборона Страны снегов от внешней опасности, которая могла прийти с южных или западных границ, однако на практике им приходилось заниматься и карательными операциями внутри Тибета или на его восточных рубежах.

Так, в течение 1809–1810 гг. происходило усмирение племен голоков в районах Кангэн и Кангсар (Восточный Тибет), проводившееся под руководством калона (министра) Дондуба Дорчже Шатры. Голоки, занимавшиеся скотоводством, являлись угрозой для купцов и паломников, с которых регулярно взимали «дань».

В 1832 г. кукунорские монголы под предводительством князя Джунана напали на соседнее тибетское племя Данаг Касум и ограбили его. Из Лхасы были отправлены войска под командованием калона Тонпы и дапона (генерала) Сарджунга, которые разбили монголов. Их предводители были доставлены в Лхасу для принесения извинений [9, с. 187].

В 1835 г. Каннам-деба, глава округа Пово (северо-запад Кама), отказался платить налоги Лхасе. Для приведения Пово к покорности был отправлен калон Дондуб Дорчже Шатра, который выполнил эту задачу [там же]. Однако успех оказался временным: в 1837 г. волнения в Пово возобновились.

Итак, тибетские войска справлялись с внутренними проблемами Тибета, не прибегая к помощи китайских войск. В этот период, вероятно, Пекин еще мог прислать в Тибет войска (обычно они перебрасывались из Сычуани); но в целом международное положение империи на протяжении 30-х гг. XIX в. неуклонно ухудшалось, и имперские войска стали нужнее на южном побережье Китая.

Внешнеполитические трудности были связаны с натиском передовых западных держав на Китай. Правители Цинской империи,

уверенные в превосходстве своей страны над окружающими Китай народами, имели очень смутные понятия о «западных варварах» и их военных возможностях. В этой связи военная доктрина империи, о которой упоминалось выше, не менялась: потенциально опасными по-прежнему считались западные и северные рубежи империи. Успешные сражения цинских войск с потомками ходжей в Восточном Туркестане, тянувшиеся все 20-е гг. XIX в., казалось, подтверждали правильность оборонительной доктрины [5, с. 75–80].

Но сразу же после этого начинает обостряться проблема иностранной торговли опиумом на юге Китая.

В феврале 1832 г. английское судно «Амхерст» под командованием Х.Г. Линдсея обследовало китайское морское побережье от Гуанчжоу до островов Рюкю. Во время этой экспедиции англичане выяснили две важные вещи: выгодность торговли опиумом и военную слабость Китая.

28 августа 1833 г. английский парламент принял решение о том, что каждый подданный Великобритании имеет право свободно участвовать в китайской торговле (хотя монополия Ост-Индской компании на вывоз чая сохранялась). Английское правительство, начиная с 1833 г., стало назначать уполномоченных по наблюдению за торговлей с Китаем: в 1833 г. – лорда Нэпира, в 1834 г. – Дж.Ф. Дэвиса, в 1835 г. – Дж. Робинсона, в 1836 г. – Ч. Эллиота. Ни один из них не собирался препятствовать торговле опиумом.

Между тем китайские власти начали осознавать опасность ввоза в Китай опиума. Немалую роль в этом сыграло то обстоятельство, что параллельно с легальной торговлей опиумом стала развиваться контрабандная торговля. В 1836 г. императорский наместник в Южном Китае Дэн Тинчжэнь потребовал выезда из Гуанчжоу девяти иностранцев, связанных с торговлей опиумом. Ч. Эллиот написал прошение об отмене высылки, но успеха не имел. Тогда по его просьбе к китайскому побережью пришла английская эскадра под командованием контр-адмирала Мэйтланда (август 1838 г.). Но демонстрация английской мощи не удалась, и эскадре пришлось уйти от берегов Китая [6, с. 97].

Летом того же года сановник Хуан Цзюэцы представил императору докладную за-

писку о необходимости запретить продажу и курение опиума. Император согласился, и в конце 1838 г. чиновник Линь Цзэсюй был назначен имперским комиссаром по борьбе с опиумом в провинции Гуандун.

В 1839 г. Линь Цзэсюй запретил торговлю до того момента, когда иностранцы сдадут опиум китайским властям. Суперинтендант Ч. Эллиот был вынужден подчиниться; собранный опиум (1 888 т) был уничтожен китайцами. 7 июля того же года произошла драка английских матросов с китайцами. Ч. Эллиот не выдал своих моряков, учинивших драку, китайским властям. В ответ китайцы прекратили торговлю.

Глава английского правительства лорд Пальмерстон решил начать войну с Китаем.

Осенью 1839 г. начались стычки между английскими и китайскими судами. Император Китая издал указ о прекращении торговли с англичанами. Линь Цзэсюй стал готовиться к обороне: закупил 200 пушек европейского производства, стал укреплять китайское побережье и т. п. Он также написал письмо британской королеве Виктории, предлагая ей покончить с торговлей опиумом (январь 1840 г.). В ответ Англия отправила в китайские воды крупный контингент военных судов.

В июле англичане захватили о-ва Чжоушань (провинция Чжэцзян), а в августе вошли в р. Байхэ близ Тяньцзиня. Командующий английской эскадрой Дж. Эллиот передал китайским властям ультиматум британского премьера лорда Пальмерстона.

30 августа 1840 г. начались переговоры сановника Ци Шаня с английским командованием. Ци Шань предложил перенести переговоры в провинцию Гуандун, и английские корабли ушли на юг. Вместо Линь Цзэсюя имперским комиссаром был назначен Ци Шань.

Ци Шань не сразу согласился выполнить все требования англичан; только после английского нападения на укрепления на р. Чжуцзян 7 января 1741 г. цинская сторона пошла на уступки.

20 января 1841 г. в Чуаньби было подписано соглашение, по которому Китай обязался:

- 1) уступить Англии остров и гавань Гонконг;
- 2) уплатить английским купцам компенсацию за конфискованный опиум в размере 6 млн долл.;

3) гарантировать равноправные официальные отношения между двумя странами;

4) открыть порт Гуанчжоу для внешней торговли [6, с. 108].

Содержание Чуаньбийской конвенции не было сообщено императору: в тексте, представленном пекинскому двору, «речь шла лишь о том, что англичанам разрешается селиться в Гонконге и использовать этот остров в качестве торговой базы. Статья о возмещении стоимости конфискованного опиума была опущена вовсе, а содержание 3-й статьи передавалось в общих чертах» [там же, с. 108–109].

Император Мяннь Нин, узнав о нападении 7 января 1841 г., объявил Англии войну. Лишь в конце февраля он узнал о передаче Англии Гонконга и отказался ратифицировать Чуаньбийскую конвенцию. Ци Шань был лишен всех чинов и приговорен к смертной казни. Но в апреле 1843 г. приговор был отменен, а Ци Шань был назначен командующим знаменными войсками в провинции Жэхэ.

Военные действия англичан в Китае продолжались до лета 1842 г., затем начались новые переговоры. 29 августа 1842 г. был подписан англо-китайский Нанкинский договор — первый из серии неравноправных договоров, приведших Китай в полуколониальное состояние. Далее последовали Дополнительный протокол между Англией и Китаем (8 октября 1843 г.), американо-китайский договор в Ванся (3 июля 1844 г.), франко-китайский договор в Хуанпу (24 октября 1844 г.).

Таким образом, Цинская империя была «открыта» более развитыми капиталистическими державами для колониальной эксплуатации и торговли (в том числе и для торговли опиумом). Но права и привилегии, полученные в Китае, казались западным странам недостаточными; не за горами была новая война.

Почти одновременно с обострением англо-китайских отношений начинают ухудшаться отношения Тибета с соседним Ладаком.

Между Тибетом и Ладаком существовали отношения номинального вассалитета, базировавшиеся на тибето-ладакском договоре 1684 г. [14, р. 78–79].

В 1834 г. махараджа Кашмира Гулаб Сингх направил в Ладак армию догров под командованием Зоравара Сингха. Ладакская армия была разбита, правитель Ладака сме-

щен, а на его место был поставлен Нгодуб Тензин. Новый правитель согласился выплачивать Кашмиру дань в 5 000 рупий ежегодно. Но, видимо, дань выплачивалась нерегулярно, так как через 6 лет Нгодуб Тензин был смещен, а прежний правитель занял свой прежний пост [9, с. 189].

Эти события привели к изменению тибето-ладакских отношений. Если ранее Ладак был номинально зависим от Тибета, то после догровского завоевания Ладак выступил против Тибета (1841 г.). Сикхи под командованием Зоравара Сингха и ладакцы под руководством Лалы вторглись в Западный Тибет. Тибетские власти отправили войска под началом дапона Шатры и дапона Сурканга в западную провинцию Нгари Корсум; но войска сикхов, обладавшие лучшим вооружением, заставили тибетцев отступить.

Лхасское правительство послало на запад подкрепление во главе с калоном Пэлхуном. Тибетской армии помог местный климат: обильные снегопады привели сикхскую армию в расстройство, которое усугубилось смертью Зоравара Сингха в бою.

Было убито около 3 000 сикхов, остальные отступили до г. Лех. Но в 1842 г. Гулаб Сингх послал в Ладак армию в 8 000 человек, которая разбила войска тибетцев. Генералы Шатра и Сурканг попали в плен. Однако продолжения войны не желали ни догры, ни тибетцы; было подписано временное соглашение о выводе тибетских войск из Ладака и обмене пленными.

Генералы Шатра и Сурканг, вернувшиеся из плена, были назначены калонами (министрами). Затем Сурканг вернулся в Лех для заключения постоянного соглашения. Это соглашение, написанное отдельно тибетцами и отдельно дограми, не идентично по формулировкам, но общий смысл одинаков: сохранение старых границ между Ладаком и Тибетом, обещание не нападать друг на друга, торговля по старым правилам и т. п. [9, с. 366–367]. Как утверждает Шакабпа, цинский император в обоих текстах Соглашения 1842 г. не упоминается. В войне участвовали только тибетские войска: «В то время в Китае велась так называемая “опиумная война” против британцев, и император не мог выделить войска для ведения военных действий в За-

падном Тибете... Тот факт, что догры были побеждены только тибетскими войсками под командованием министра Кашага, является общепризнанным» [9, с. 191].

Этот факт признает и Х. Ричардсон: «Вторжение догров в Западный Тибет в 1841 г. было отражено войском, которое было чисто тибетским, хотя оно иногда ошибочно описывается как китайское» [16, р. 72].

Таким образом, Тибету удалось сохранить целостность своей территории собственными силами, без привлечения китайских войск. Но Ладак перестал быть тибетским вассалом даже номинально и, следовательно, и цинским вассалом. Это обстоятельство, разумеется, означало падение престижа цинской власти, поскольку император не смог выполнить свои обязанности «милостынедателя» по отношению к Стране снегов.

Итак, цинские чиновники были корыстолюбивы и некомпетентны; цинские гарнизоны в Тибете деградировали в военном отношении; Китай не спешил на помощь Тибету в случае военной опасности.

Но была и другая сторона этой медали: ослабление цинской власти в лице амбаней приводило к появлению «сильных людей» из среды местной аристократии или буддийского духовенства. В XIX в. такие тибетских лидеры, действовавшие вполне независимо, представляли ничуть не меньшую опасность для цинской власти, чем в XVII и XVIII веках.

Наиболее заметным лидером первой половины XIX в. был тулку лхасского монастыря Цемонлинг, Нагбан Чжалцан Цулкрим (род. в 1792 г.).

Он считался перерожденцем Галдан Ширету Самади Бакши, который умер в 1791 г., и потому в китайских документах именуется теми же титулами. Иногда к его титулам прибавлялся титул «Номун-хан», так как небольшой монастырь Цемонлинг считался принадлежащим перерожденцу Номун-хана из Амдо [8, с. 135]. Во избежание путаницы в титулах мы будем называть его регентом Цемонлингом.

По тибетской традиции после избрания очередного Далай-ламы и до его совершеннолетия все обязанности верховного иерарха исполнялись регентом. После нахождения и избрания Далай-ламы Х Цултрима Чжамцо (1816–1837) он получил официальную печать

(1819 г.), а затем был утвержден в должности регента (1822 г.).

Первый период правления регента Цемонлинга (до 1838 г.) ознаменован местными конфликтами в Амдо и Каме, о которых упоминалось выше. Конфликты были разрешены при помощи военной силы, хотя, как показал пример Пово, такое решение могло иметь лишь временный характер. Вероятно, подобный конфликт, связанный с налогообложением, назревал и в Центральном Тибете, поскольку регент собрал статистические данные по провинции Уй относительно демографического положения, занятости семей, производства продуктов питания. Затем система налогообложения была существенно улучшена [9, с. 187].

Его подопечный, Далай-лама Х, был юношей слабого здоровья, и потому правительство предоставляло ему лучших врачей, а также устраивало специальные молебны о его исцелении [там же, с. 188]. Этот иерарх, как сообщает В.Д. Шакаба, весьма критически оценивал деятельность Кашага (а следовательно, и деятельность регента): «Однажды, когда регент и министры Кашага пришли его проведать, он сказал, что все их беспокойство об улучшении его здоровья исходит из забот о собственном престиже. Он указал на то, что тибетцы очень сильно пострадали во время конфликта в Пово и Кукунорском регионе и что страна находится в худшем состоянии, чем прежде, хотя правительственные чиновники постоянно утверждают противоположное. Есть свидетельство того, что он сказал им следующее: “Сделали ли вы улучшения, как вы утверждаете, или нет, положение моих подданных ухудшилось”» [там же].

Вероятно, такая оценка правительственной деятельности со стороны уже взрослого иерарха, который вот-вот должен был принять всю полноту власти, не нравилась регенту Цемонлингу. Как бы в подтверждение слов Далай-ламы Х, волнения в округе Пово возобновились в 1837 году. И в том же году Далай-лама Х скончался.

Смерть иерарха была встречена в Тибете глухими толками о том, что его кончина была ускорена регентом Цемонлингом. Политические убийства при помощи яда или оружия не были редкостью в Тибете или Китае; в данном случае утверждалось, что на шее

покойного иерарха явно была видна кровавая рана. Так, В.В. Рокхилл, ссылаясь на мемориал Лифаньюаня императору, пишет: «Мемориал утверждает, что Далай-лама умер от этой раны» [17, р. 68]. Об этом же пишет китайский историк Я Ханьчжан: «Относительно смерти Далай-ламы X “Имперские записи Цинской династии” сообщают следующее: “Далай-лама был ранен в шею, и шла кровь. Номихан знал об этом, но не пытался ему помочь. Дело было весьма подозрительным”» [18, с. 183]. Слухи эти были очень устойчивы: французские миссионеры Гюк и Габе, побывавшие в Лхасе в начале 40-х гг. XIX в., говорят уже о трех убитых Далай-ламах [10, с. 202–203]. Ссылаясь на миссионеров, о том же пишет и о. Илларион из Российской духовной миссии в Пекине [4, с. 490].

Разумеется, многие обстоятельства, связанные со смертью Далай-ламы X, наводят на мысль о политическом убийстве (не раз упомянутая рана на шее, отсутствие официального расследования его смерти, критика деятельности регента Цемонлинга со стороны покойного иерарха, невыгодность для регента оставления своего руководящего поста, что было бы неизбежно при принятии Далай-ламой X своих обязанностей, и т. п.).

Однако прямых доказательств преступления, совершенного регентом Цемонлингом, не имеется. Никто не обвинил регента в момент кончины иерарха, и он временно отошел от государственных дел. Когда же был найден перерожденец покойного иерарха, Далай-лама XI Кхедуп Чжамцо (1838–1855), то регент Цемонлинг был призван на свой прежний пост.

В.В. Рокхилл негативно характеризует деятельность Цемонлинга при его втором регентстве: «Правление регента, обретшего уверенность на следующие 12 лет, оказалось для страны тяжелее, чем было прежде: он игнорировал желания Шапе, Панчена Ринпоче и нарушал законы и обычаи страны. Он грабил людей, отбирал их деньги, их земли, их жилища, укрывал преступников, грабивших товары у торговцев. Он даже дошел до того, что осмелился использовать портшез, и над ним несли зонтик государства, – привилегия, дававшаяся китайским правительством только Далай-ламе и Панчен-ламе. Опираясь на лам Сэра, готовых бороться или даже сражаться

с правительством, он игнорировал всякое сопротивление» [17, р. 66–67].

Во время второго регентства Цемонлинг, вольно или невольно, ухудшил свои отношения с Панчен-ламой Тенпай Ниймой (1782–1853). Как сообщает В.Д. Шакабпа, один из чиновников Панчен-ламы IV, вступивший с ним в конфликт, «был им обласкан и принят на работу чиновником в Лхасе. Считается также, что между регентом и ламой монастыря Дрепунг, Чанкья-хутухтой, была тяжба по вопросу права на владение каким-то поместьем» [9, с. 192].

В 1843 г. Панчен-лама IV, до сего времени молчавший, направил совместно с калонами жалобу на имя императора, в которой заявлял о страданиях народа вследствие незаконных действий регента и, вероятно, сообщал о подозрениях, возникших в связи с кончиной Далай-ламы X. Император отправил в Тибет для расследования упоминавшегося выше чиновника Ци Шаня, который провинился в годы 1-й «опиумной» войны и за это был первоначально приговорен к смерти. Для Ци Шаня, который был понижен в звании, пребывание в должности амбана в Тибете было одновременно и ссылкой, и возможностью реабилитироваться в глазах императора.

Император, отправляя его в Тибет, заявил в своем эдикте: «Если Номун-хан Галдан Шерабту Самади Бакши, ныне управляющий Шангшангом, совершил преступления, связанные с корыстью и взяточничеством, это серьезно повредит репутации Желтой секты» (ор. cit.: [18, р. 187]). Далее император дал указания относительно состава комиссии по расследованию и т. д.

Ци Шань, прибыв 1844 г. в Тибет, организовал нечто вроде следственного комитета из высших церковных иерархов, включая Панчен-ламу IV и нескольких крупных перерожденцев (Демо-хутухту, Радренг-хутухту, Чжэбдрунг-хутухту). Комитет расследовал дело регента Цемонлинга по тибетским и китайским традициям того времени, то есть применяя пытки. Приближенным Цемонлинга загоняли под ногти бамбуковые иглы, «дабы правда была отделена от лжи» [10, vol. 2, р. 202]. В результате Цемонлинг, желая избежать пыток, «признал свои преступления добровольно»: он сознался в удушении и отравлении трех Далай-лам. Это был явный перебор: даже если допустить, что регент ускорил смерть Далай-ламы X, в кон-

чине двух предыдущих иерархов его вряд ли можно было винить. Обвинительный вердикт комитета по делу регента Цемонлинга был получен в Пекине 16 ноября 1844 г. [15, p. 142].

Когда из Пекина прибыл указ императора о низложении регента Цемонлинга и ссылке его в провинцию Хэйлуунцзян, на берега Амура, этот указ был переведен на 3 языка и, напечатанный на особой бумаге, был расклеен по стенам Лхасы. По словам Гюка и Габе, население приняло этот указ с негодованием – «не столько из-за заслуженного падения Номехана (Цемонлинга. – Е. Б.), сколько из-за вмешательства китайских властей, – вмешательства, которое каждый считал унижением» [10, p. 203]. Однако открыто выступать население Лхасы не собиралось: в виновности регента вряд ли кто сомневался.

На открытое сопротивление решились лишь ламы из дацана Мэ великого монастыря Сэра. По словам Гюка и Габе, до 15 000 монахов, вооруженных холодным и огнестрельным оружием, двинулись к резиденции китайских амбаней с криками: «Смерть Ци Шаню! Смерть китайцам!» Но Ци Шань, предупрежденный заранее, укрылся в доме одного из калонов; лхасские китайцы попрятались [ibid, p. 204]. Тогда монахи, разбившись на группы, стали искать китайцев. Во дворце бывшего регента монахи наткнулись на двух калонов, которые, по решению Кашага, пришли туда, чтобы изъять служебные документы смещенного Цемонлинга. Оба калона были избиты монахами, причем настолько жестоко, что калон Сурканг вскоре скончался [9, с. 192].

Другая группа монахов разгромила тюрьму и освободила экс-регента Цемонлинга. Но тот отказался отправиться с ними в монастырь Сэра и заявил, что он – невинная жертва заговора и что он намерен отправиться в Пекин в поисках правосудия. Он убедил бунтовавших монахов вернуться в монастырь Сэра, что они и сделали. Наутро обитатели монастыря Сэра обнаружили, что монастырь окружен китайскими и тибетскими солдатами. На этом монашеский бунт кончился.

Экс-регент Цемонлинг был сослан в Маньчжурию. Указом императора ему было запрещено в будущем перерождаться – в наказание за преступления против Желтой секты [17, p. 67]. Позднее его перевели в провинцию Ганьсу, поближе к Тибету, где он и умер в 1854 году.

Поместья Цемонлинга были переданы в казну. «Собственность экс-регента, которой было на сумму более 144 000 таэлей серебра, была конфискована и передана в монастыри, а 278 даней (1 дань – 50 кг) риса и 6 946 даней муки, ячменя и бобов были отданы в распоряжение тибетской армии» [18, p. 186].

Монахи монастыря Сэра, принимавшие участие в бунте и убившие нескольких человек, были наказаны тибетскими властями: «по их приказу 210 преступников, замешанных в деле, были арестованы; из них 180 были заключены в тюрьму в монастыре Сэра, а остальные наказаны Нангцзешагом (полицейский участок в Лхасе) и Шолекхунгом» [ibid., p. 187].

Гюк и Габе утверждают, что вопрос о наказании монахов вызвал разногласия между Ци Шанем и тибетскими властями, которые заявили, что такие вопросы – прерогатива правительства Тибета. Ци Шань отступил, но, чтобы не потерять лица, заявил, что он «оставляет им их подлых убийц, которые недостойны внимания представителя императора» [10, vol. 2, p. 206].

Характеризуя Цемонлинга, Л. Петех пишет: «Он был одной из самых сильных личностей Тибета в XIX в. Благодаря хитрости, энергии и бойкости он удерживал власть в течение целого поколения» [15, p. 141].

Х. Ричардсон отмечает, что «с 1819 по 1844 г. один из наиболее могущественных и наиболее деспотических регентов в тибетской истории был в состоянии осуществлять почти абсолютистское правление без какого-либо вмешательства амбаней» [16, p. 71].

По словам французских миссионеров, «в Лхасе не могли понять, как человек, который не колеблясь убил трех Далай-лам, не воспользовался выгодой восстания лам из Сэра. Понятно, что он мог одним словом уничтожить всех китайцев в Лхасе и, вероятно, свергнуть Тибет в пламя восстания; но Номехан не был готов сыграть такую роль: он обладал трусливой энергией убийцы, но не дерзостью революционера» [10, vol. 2, p. 205].

Какова бы ни была оценка регента Цемонлинга как лидера Тибета на протяжении 24 лет, но его правление говорит о том, что Пекин не решался сместить этого правителя до тех пор, пока об этом не попросил Панчен-лама IV – известный прокитайский иерарх. Но даже и в этом случае Цины не решились дей-

ствовать при помощи грубой силы, как раньше, а сделали вид, что они действуют исключительно по просьбе тибетского клира.

Продолжение следует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспрозванных, Е. Л. «Указ из 29 статей»: программа цинских реформ в Тибете в конце XVIII века / Е. Л. Беспрозванных // Вестник ВолГУ. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2008. – № 1 (13). – С. 52–63.
2. Беспрозванных, Е. Л. «Уложение китайской Палаты внешних сношений» о новых принципах управления Тибетом / Е. Л. Беспрозванных // Вестник ВолГУ. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2008. – № 2 (14). – С. 38–51.
3. Богословский, В. А. Тибет / В. А. Богословский, Б. П. Гуревич, Л. И. Думан // Советская историческая энциклопедия. В 16 т. Т. 14. – М. : Сов. энцикл., 1973. – С. 208–211.
4. Илларион. Очерк истории сношений Китая с Тибетом / Илларион // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 2. – СПб. : Тип. Штаба воен.-учеб. заведений, 1853. – С. 442–491.
5. Кузнецов, В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) / В. С. Кузнецов. – Новосибирск : Наука, 1983. – 126 с.
6. Новая история Китая. – М. : Наука, 1972. – 636 с.
7. Уложение китайской Палаты внешних сношений : в 2 т. – СПб. : Тип. Департамента нар. просвещения, 1828. – Т. 1. – 326 с. ; Т. 2. – 319 с.

8. Цыбиков, Г. Ц. Буддист-паломник у святынь Тибета / Г. Ц. Цыбиков. – Пг. : 15-я гос. тип., 1919. – 472 с.
9. Шакабпа, В. Д. Тибет: политическая история / В. Д. Шакабпа. – СПб. : Нартанг, 2003. – 428 с.
10. Нус, Е. Travels in Tartary, Thibet and China (1844–1846). Vol. 1–2 / Huc and Gabet. – L. : George Routledge & Sons, LTD, 1922. – Vol. 1. – 387 p. ; Vol. 2. – 392 p.
11. Li, Tieh-tseng. The Historical status of Tibet / Li Tieh-tseng. – N. Y. : Columbia University, 1956. – 312 p.
12. Narratives of the Mission of George Bogle to Tibet and Journey of Thomas Manning to Lhasa. – L. : Trubner and Co., Ludgeit Hill, 1876. – 407 p.
13. Petech, L. Aristocracy and Government in Tibet, 1728–1969 / L. Petech. – Roma : Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1973. – 274 p.
14. Petech, L. The Kingdom of Ladakh / L. Petech. – Roma : Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1977. – 191 p.
15. Petech, L. The Dalai Lamas and Regent of Tibet: a chronological study // Selected papers on Asian history / L. Petech. – Roma : Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1988. – P. 125–147.
16. Richardson, H. E. Tibet and its Yistory / H. E. Richardson. – L. : Oxford University Press, 1962. – 308 p.
17. Rockhill, W. W. The Dalai Lamas of Lhasa and their relations with Manchu Emperors of China, 1644–1906 / W. W. Rockhill. – Leiden, 1910. – 317 p.
18. Ya Hanzhang. Biographies of the Tibetan Spiritual Leaders Panchen Erdenis / Ya Hanzhang. – Beijing : Foreign language Printing House, 1994. – 415 p.

«28 ADDITIONAL ARTICLES» OF CHI SHAN AND THE STATE OF THE TIBET-CHINA RELATIONS BY THE 40s OF THE 20th CENTURY PART 1

Eu.L. Besprozvannykh

The article analyses the state of the relations between China and Tibet, which played the part of «buffer territory» in the bounds of the Qing Empire. Non-Han peoples in the north, north-west and west of the Empire («inner barbarians») were governed by their own administration, but in the presence of Qing deputies and garrisons. During the period of fifty years (from 1793 to 1844) Tibet didn't trouble Peking so much. However, the calmness in the Land of Snow was deceptive: the influence of the Qing Dynasty was declining, but the independence of the local government was increasing. It resulted in the removal of the too strong regent and formal restriction of the independence of local leaders («28 additional articles» Chi Shan). Peking still could be supported by a grouping of pro-Qing activists, but the general weakening of the Empire favoured the development of liberation tendencies in Tibet.

Key words: *the Qing dynasty, ambans, «buffer territories», hierechs, Dalai Lama, Panchen Lama, «opium» wars, unequal treaties.*